

Научная статья

УДК 81'37:398.224(=571.512)

DOI 10.25587/2782-4861-2026-3-188-197

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ОБРАЗНАЯ ЛЕКСИКА В ОЛОНХО (на материале текстов олонхо чурапчинских сказителей)

Е. Е. Жиркова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
Якутск, Россия,
e-mail: jenyasyr@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются окказиональные образные слова якутского языка, обнаруженные в текстах олонхо чурапчинской локальной эпической традиции. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения в лингвофольклористическом ключе феномена сказительства, механизмов устной импровизации, для которой характерно такое явление, как окказиональность. В связи с этим целью предпринятого исследования обозначены выявление и систематизация основных способов окказиональной образной лексики, и вместе с тем предлагаются механизмы установления значений окказиональных единиц. Новизна предпринятого исследования заключается в том, что впервые окказиональная образная лексика якутского языка становится объектом изучения в рамках эпического текста. В работе использованы методы сплошной выборки при сборе фактического материала, описательный, включающий приемы классификации, обобщения и интерпретации, структурно-семантический и элементы фоносемантического анализа. Материалом послужили тексты олонхосутров чурапчинской локальной эпической традиции: «Строптивный Кулун Куллустуур» И. Г. Тимофеева-Теплоухова, «Тамаллаайы Бэргэн» И. Д. Оконешникова – Мундууска Уола, «Ала Хотогой» М. И. Белых, «Усук Туйгун» П. М. Терютиной – Ырыа Ымыычаан, «Ала Хотогой» Н. М. Дьяконова – Чёлёс, «Кюн Тэгиэримэ» К. Л. Федорова – Кёскёйё Кёстёкююн, «Айыы Дьёсюел» С. С. Яковлева – Эрилик Эристиин.

В ходе исследования установлено, что основным способом образования окказиональных слов является фонетическая вариация уже существующего звуко-типа. При этом даже при изменении звукового состава сохраняется смысловая связь с исходным словом, но представленная адаптированно под ритмико-аллитерационное оформление текста олонхо. Также одним из продуктивных способов образования окказиональных единиц является эхо-редупликация, которая в основном служит для комического эффекта. Выявлено, что механизмы установления значения окказионального образного слова сводятся к трем основным параметрам: формальное сходство с зафиксированным в словарях единицей образной лексики; контекст употребления в тексте эпического сказания; фоносемантические значения отдельных звуков.

Ключевые слова: олонхо; эпический текст; сказительство; импровизация; индивидуальное словотворчество; лингвофольклористика; образная лексика; фоносемантика; фоноструктура; звукоизобразительная система якутского языка

Финансирование: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Культурные универсалии и регионально-локальные уникалии якутской эпической традиции: междисциплинарные исследования, цифровизация, технология популяризации».

Для цитирования: Жиркова Е.Е. Окказиональная образная лексика в олонхо (на материале текстов олонхо чурапчинских сказителей). *Эпосоведение*. 2026, 3(43), С. 188–197. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-3-188-197>

Original article

Occasional figurative vocabulary in olonkho: the case of the texts by olonkho storytellers from Churapcha

Evgeniya E. Zhirkova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russia,
e-mail: jenyasyr@mail.ru

Abstract. This article examines occasional figurative words in the Yakut language found in olonkho texts belonging to the Churapcha local epic tradition. The study is motivated by the need to investigate the phenomenon of storytelling and the mechanisms of oral improvisation characterized by the phenomenon of occasionality from the perspective of linguistic folklore studies. Accordingly, the study aims to identify and systematize the primary forms of occasional figurative vocabulary and proposes mechanisms for determining the meanings of these occasional units. The study's novelty lies in the fact that it marks the first time occasional figurative vocabulary in the Yakut language has been analyzed within the context of epic texts. The research employs exhaustive sampling for data collection, as well as descriptive methods (including classification, generalization, and interpretation), structural-semantic analysis, and elements of phonosemantic analysis. The study draws upon texts by olonkho storytellers (olonkhosuts) belonging to the Churapcha local epic tradition: "The Obstinate Kulun Kullustuur" by I.G. Timofeev-Teploukhov; "Tamallaaiy Bergen" by I.D. Okoneshnikov (Munduuska Uola); "Ala Khotogoi" by M.I. Belykh; "Usuk Tuigun" by P.M. Teryutina (Yryaa Ymyychaan); "Ala Khotogoi" by N. M. Dyakonov (Chyolos); "Kyun Tegirime" by K.L. Fedorov (Kyoskyoyo Kyostokyuyun); and "Aiyy Dyosyuel" by S. S. Yakovlev (Erilik Eristiin). The research established that the primary method of forming occasional words is the phonetic variation of an existing sound pattern. Even when the sound composition changes, the semantic link to the original word is preserved, albeit adapted to the rhythmic and alliterative structure of the olonkho text. Another productive method for forming occasional units is echo-reduplication, which generally serves to create a comic effect. The study reveals that the mechanisms for determining the meaning of occasional figurative words rely on three main parameters: formal resemblance to a figurative lexical unit recorded in dictionaries; the context of usage within the epic narrative; and the phonosemantic values of individual sounds.

Keywords: olonkho; epic text; storytelling; improvisation; individual word-creation; linguistic folkloristics; figurative vocabulary; phonosemantics; phonostructure; sound-symbolic system of the Yakut language

Funding: The study was conducted within the framework of the NEFU research project "Cultural Universals and Regional-Local Particularities of the Yakut Epic Tradition: Interdisciplinary Research, Digitalization, and Popularization Technology".

For citation: Zhirkova, E.E. Occasional imagery-rich vocabulary in olonkho: the case of the texts by olonkho storytellers from Churapcha. *Eposovedenie*. 2026, 3(43), pp. 188–197. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-3-188-197>

Введение

Изучение сказительского искусства олонхосутов является одним из значимых направлений в фольклористике. Важной частью сказительства наравне со строгим следованием канонам выступает способность олонхосута импровизировать. При этом каноничность и импровизация взаимодополняют друг друга. Каноничность (система образов, типические места, строение эпического мира и т. п.) отвечает за жанровую отнесенность олонхо, импровизация придает сказанию индивидуальность, уникальность, детализирует и расширяет сюжет олонхо. Вместе они создают тот самый узнаваемый стиль олонхо.

Индивидуальное словотворчество служит ярким свидетельством высокого уровня импровизации олонхосута. Ярче всего это проявляется в использовании в тексте олонхо образной лексики якутского языка. Обладая яркой образной семантикой и определенной «гибкостью» формы, образная лексика выступает отличным инструментом для создания новых слов,

передающих яркие образы и ассоциации, используя весь фоносемантический потенциал данного пласта языка.

Исследование в рамках настоящей статьи было проведено с опорой на фундаментальные труды по сказительскому искусству (Путилов, 1997; Илларионов, 1982; Илларионов, 2016; Бакчиев, 2015), в которых импровизация оценивается как высшее мастерство и как значительная часть индивидуального эпического творчества сказителя. Также были рассмотрены лингво-фольклористические работы по эпическим формулам (Борисов, 2017), поэтике олонхо (Макаров, 2019) и статьи по художественным средствам олонхо (Львова, 2023), функционирования образной лексики в текстах олонхо (Герасимова, 2025; Жиркова, 2025). В лингвистическом плане теоретической базой послужили работы по образной лексике (Харитонов, 1943; Харитонов, 1954; ГСЯЛЯ, 1982), фоносемантике образных слов (Афанасьев, 1993), фоноструктуре образных глаголов (Монастырев, 2022).

Цель предпринятого исследования заключается в выявлении и систематизации основных способов образования окказиональной образной лексики в текстах олонхо чурапчинских сказителей, а также механизмов установления значений окказиональных слов. Для достижения цели поставлены следующие задачи: изучить природу окказиональности образной лексики якутского языка; провести классификацию окказиональных слов по способу их образования; дать семантическую интерпретацию обнаруженным окказиональным словам.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью лингвофольклористического изучения феномена сказительства, механизмов устной импровизации. Изучение окказиональных единиц образной лексики в рамках эпического текста позволяет глубже понять индивидуальное творчество олонхосута, а также расширяет представление о лексико-семантическом потенциале якутского языка в общелингвистическом плане.

Новизна предпринятого исследования заключается в том, что впервые окказиональная образная лексика якутского языка становится объектом изучения в рамках эпического текста.

В работе использованы методы сплошной выборки при сборе фактического материала, описательный, включающий приемы классификации, обобщения и интерпретации, структурно-семантический и элементы фоносемантического анализа.

Материалом послужили тексты олонхо чурапчинских сказителей: «Строптивый Кулун Куллустуур» («Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур») (Тимофеев-Теплоухов, 1958), «Тамаллаайы Бэргэн» (Оконешников, 2012), «Ала Хотогой» («Ала Хотобой») (Белых, 2010), «Усук Туйгун» («Уолусхан улаан аттаах Уһук Туйгун бухатыыр») (Терютина, 2015), «Ала Хотогой» («Ала Хотобой») (Дьяконов, 2015), «Кюн Тэгийримэ» («Күн Тэгийримэ») (Федоров, 2012), «Айыы Дьёсөөл» («Айыы Дьөһүөл») (Яковлев, 2015).

Окказиональность образной лексики якутского языка

На окказиональный характер образной лексики якутского языка указывал еще А. Е. Кулаковский: «количество подобных (картинных – *прим. авт.*) слов громадно и не поддается никакому учету, ибо они составляют для каждого данного случая отдельно» (Кулаковский, 1979: 386). Л. А. Афанасьев, исследовав фоносемантическую сторону образных слов якутского языка, выделил активный и пассивный словари: «активный словарь образных слов – это конкретно усвоенные слова, а пассивная часть словаря – это заложенная в структуре образных слов возможность» (Афанасьев, 1993: 112), которая и становится, как отмечает исследователь, основой для феномена индивидуального словотворчества. Лексиколог П. С. Афанасьев отметил, что образные и звукоподражательные слова могут возникать бесконечно, и потому их подсчет невозможен (Афанасьев, 1996: 102). Такие образные глаголы сложно фиксировать в лексикографических источниках. Главным критерием отбора единиц образной лексики в словари является их частота употребления в речи и в художественной литературе (в т. ч. в языке фольклора).

Однако окказиональность образных глаголов не имеет случайный характер. Окказиональные образные слова, как правило, образуются по определенной схеме и фоноструктуре,

которые требуют определенного уровня владения языком и «включенности» в систему образов и ассоциаций языка.

Самым распространенным способом возникновения новых образных слов является вариация зафиксированного звукового слово-типа образных глаголов. Л. Н. Харитонов заметил, что по определенной фонетической модели могут образовываться образные глаголы с самостоятельным лексическим значением (Харитонов, 1954: 257–258). Эту же идею развил Л. А. Афанасьев, выделив модели, которые меняют оттенки значения в зависимости от состава идеофоном (Афанасьев, 1993). В. Д. Монастырев, рассмотрев образные глаголы с архисемой «расползеть», также отметил, что характерная особенность образных глаголов якутского языка состоит в том, что значительную часть этих глаголов составляют слова-варианты, построенные по определенной фоноструктурной модели (Монастырев, 2022: 77).

Так, например, не зафиксированный в Толковом словаре образный глагол *айбай* (плавно и широко раскидываться, колыхаться (о руках) (Харитонов, 1954: 285)), но отмеченный в Перечне образных глаголов из приложения монографии Л. Н. Харитонova «Типы глагольной основы в якутском языке», является вариацией *байбай* (будучи не очень толстым, казаться широким и округлым книзу (напр., женщина в свободной одежде) (ТСЯЯ, 2005: 132)) и *сайбай* (иметь расширяющуюся книзу ладную форму (напр., о платье, кроне дерева); быть одетым в платье такой формы (БТСЯЯ, 2011: 145–146)). В этих образных глаголах четко проявляется модель *-айбай*. По такому же принципу образованы: *антай* (задирать вверх бессмысленное лицо с большим носом и слегка раскрытым ртом (Харитонов, 1954: 285)); варианты *сантай* (отличаться широкими ноздрями, широким основанием (о носе у человека); иметь нос такой формы (о человеке) (БТСЯЯ, 2011: 235)) и *онтой* (иметь вздернутый нос с высокой переносицей (БТСЯЯ, 2010: 297)) и т. п.

Окказиональность образной лексики также может проявляться в составе парных слов, в которых один из компонентов является фонетическим дублетом другого, при этом не имеет самостоятельного значения, например, *килэр-халаар* – широкими бессмысленными глазами (смотреть). Также существуют образные парные слова, в которых оба компонента имеют самостоятельные лексические значения, но используются в основном только в парном виде (ГСЯ-ЛЯ, 1982: 383). Это, к примеру, образные глаголы: *дьимий* – смыкаться, сжиматься; плотно закрываться (о губах) (Харитонов, 1954: 294) от *имий-дьимий* – бесследно скрыться (ПЭК, 1959: 830); *идьэй* – резвиться, непринужденно позировать (Харитонов, 1954: 289) от *идьэй-хотьдой* (в соед. с *хотьдой*: резвиться, непринужденно позировать (ПЭК, 1959: 906)); *интэй* – держать голову лицом вверх (Харитонов, 1954: 289) от *хантай-интэй* (в соед. с *хантай*: держать голову вверх (ПЭК, 1959: 942)); *мыннай* – образовать складки на лице; сморщиваться (там же: 293), ср. *муннай* от *ханнаары-муннаары* – корча рожи, кривляясь, гримасничая (БТСЯЯ, 2016: 295); *өрөй* – наострить уши, возбуждаться (Харитонов, 1954: 296) от *өрөй-чөрөй* – оживиться, вдохновиться, чувствовать себя на подъеме (БТСЯЯ, 2010: 457).

Таким образом, окказиональные образные глаголы значительно расширяют словарный запас образной лексики, однако их сложно фиксировать в лексикографических источниках ввиду малоупотребляемости, и они не поддаются подсчету. Основным способом возникновения окказионального образного глагола является вариация уже существующего звукового слово-типа. Кроме этого, они могут возникать в составе парных слов и приобретать самостоятельное лексическое значение.

Основные механизмы образования окказиональных образных слов в тексте олонхо и способы их семантической интерпретации

В рассмотренных текстах олонхо обнаружено 38 единиц. Главным критерием отбора, как было отмечено выше, явилось их отсутствие в лексикографических источниках.

Наибольшее количество окказиональных единиц образной лексики составляют парные слова: например, *абаан-дьабаан*, *ыллыр-быллыр*, *килэх-илэх* и т. д. В большинстве случаев такие

парные слова являются фонетической вариацией уже существующих моделей парных слов, в которых:

- меняется только состав гласных: *Куодалаах ыллыр-быллыр ытыстардаах* 'со складчатыми бугристыми ладонями'¹ (Белых, 2010: 79). Здесь парное слово *ыллыр-быллыр* является фонетической вариацией общепринятого *оллур-боллур* «ухабистый, неровный (например, о дороге)» (БТСЯЯ, 2010: 256). На замену гласных парных образных слов повлиял звуковой состав существительного *ытыстардаах*, для которого они являются определением. В данном случае наблюдается изменение под влиянием горизонтальной аллитерации;

- меняется состав согласных: *Абаан-дьамаан / Айах үрэннээх* (Терютина, 2015: 66) 'с безобразным ртом'. Парное образное слово *абаан-дьабаан* возникло в результате замены согласных *амаан-ньамаан* «нелепый рот; безалаберный рот (о рте абаасы)» (ПЭК, 1959: 96). Вариаций этого слова много, они встречаются и в других текстах олонхо: *Абааһы уола / Амаан-дьамаан аппаннаан, / ...* (Тимофеев-Теплоухов, 1958: 219) 'Абаасы, нелепо разевая рот, ...'. Данные вариации, возможно, обусловлены диалектными особенностями произношения сказителя;

- удлиняется второй слог: *Алаан-дьалаан алаастардаах, / Онгоот-чонгоот хочолордоох* (Федоров, 2012: 20) 'с раскнутыми аласами, / с глубокими долинами'. В данном примере *алаан-дьалаан* возникло от удлинения вторых слогов каждого компонента слова *алан-дьалан* «рассеянно, разбросанно, там-сям, туда-сюда» (ПЭК, 1959: 65). На наш взгляд, удлинение появилось для ритмического единообразия, уподобляясь размеру *онгоот-чонгоот*.

Окказиональность этих примеров условна, т. к. по сути меняются лишь некоторые звуки в составе парных слов. Изменение звукового состава может быть обусловлено диалектными особенностями или подстраиванием под аллитерационный строй текста. Поэтому будет правильнее обозначить данные примеры, как окказиональное употребление в таком виде, т. е. единичное.

Среди обнаруженных окказиональных парных слов выделим те, в которых добавляется фонетический дублет к существующему образному слову: *Сынтар-мантар муруммунаан сыллааммын / Сылаабын таһаарыам дуу?! Добор...* (Федоров, 2012: 77) 'Поцеловав своим курносый носиком, / избавлю тебя от усталости, дружок...'. Первый компонент парного образного слова *сынтар-мантар* образован от глагола *сынтай* «1. быть вздёрнутым кверху (о носе)» (БТСЯЯ, 2012: 438). Второй компонент *мантар* является фонетическим дублетом первого, не имеющий самостоятельного лексического значения. Здесь данное парное слово придает комичности речи абаасы. В то же время такое намеренное искажение показывает пренебрежительное, ироничное отношение сказителя к абаасы. Данное явление схоже с так называемой «рифмованной редупликацией» или «эхо-редупликацией» (например, *шашлык-машлык*), которое также часто встречается и в русском фольклоре (*коляда-моляда, гусли-мусли* и т. п.) (Минлос, 2005: 96–115).

Интересен пример вариаций парных глаголов во фрагменте: *Үөбэ-хомура, үгүрүйэ-дьүгүрүйэ, / Этэ-тыына, игирийэ-дьигирийэ турда* 'Оскорбляя, тяжело вдыхал, / Говоря пылко, втягивал воздух'. Все они использованы в описании эмоциональной речи главного героя, обращенной к противнику-абаасы. Исходным, как нам кажется, является *эбурий-дьэбурий*, образованное от образного глагола *эбий* «вытянув шею и вскинув голову, говорить воодушевленно, возбужденно» (БТСЯЯ, 2018: 148). Далее, от этого глагола с помощью аффикса формы подвижности *-рый* возникает глагол *эбурий* и его фонетический дублет *дьэбурий*. В свою очередь, *үгүрүйэ-дьүгүрүйэ* и *игирийэ-дьигирийэ* являются вариациями *эбурий-дьэбурий*, видоизменившимися за счет сингармонии гласных по горизонтальной аллитерации внутри строки.

В олонхо часто используется художественный прием, в котором перечисляется ряд имен богатырей и описывается их действие, чтобы показать масштаб картины (празднования, битвы и т. д.). При этом имена и действия богатырей всегда созвучны: *Сир уола Ньиргийэ буха-*

¹ Здесь и далее перевод автора

тыыр, / *Ньиргийэ-ньиргийэ* / ..., / Дойду уола *Онолу* бухатыыр / *Онолуйа-онолуйа* / ..., / Күн уола *Күөкэй* бухатыыр / *Күөкэйэ-күөкэйэ* / ..., / Ый уола *Ырга* Боотур / *Ырбайа-ырбайа* / ..., / Тагара уола *Таатый* бухатыыр / *Татыйа-татыйа* ... (Терютина, 2015: 75) ‘Сын земли богатырь Ньиргийэ, содрогаясь, / Сын страны богатырь Онолу, завывая, / Сын солнца Кёкэй, вытягиваясь, / Сын луны Ырга, выставя свой живот, / Сын Бога Таатый, ловко двигаясь, ...’. В данном примере прием использован для описания масштаба жестокой битвы, в котором участвовало несметное количество богатырей из разных миров, стран. Здесь внимание привлекает удвоенная форма глагола *татыйа-татыйа*, который не имеет лексического значения и образовано исключительно для созвучия. Определение значения этого глагола предлагаем установить по контексту и аналогии с другими образными глаголами. Приведенный автором перевод был определен по сходству с образным глаголом *татыгырай* «идти, ходить торопливой походкой, быстро перебирая ногами (о ком-л. легковесном)» (БТСЯЯ, 2013: 304).

По такому же принципу можно установить значение окказионального образного глагола *ыаһахыс*: *Ытык тириитэ ыстаана / Борбойугар сулбуруйан түспүтүн / Ыаһахыс* гына үөһэ тардынна (Белых, 2010: 82) ‘Кожаные штаны свои, / Когда сползли до бедер, / Натянул тяжело обратно’. В данном случае контекст и звуковое оформление глагола позволяют понять значение слова. Речь идет об абаасы, которого богатырь застал врасплох и призывает к бою. Традиционно абаасы изображаются нелепо и комично, чему способствует присоединение удвоенного аффикса моментально-однократной формы *-хыс*. Предположительная основа *ыаһай* по аналогии с образными глаголами *ыадай* «2. быть, казаться очень большим, тяжёлым, грузным (о чём-л.)» (БТСЯЯ, 2017: 308) и *ыачай* «идти, ходить с трудом (о толстом, грузном, тяжеловесном человеке)» (там же: 344) может передавать представление о движении толстого, грузного человека. Кроме этого, в фоносемантическом плане идеофонема *h* в основе глагола, по мнению Л. А. Афанасьева, может означать «изображение мешковатого вида» (Афанасьев, 1993: 95).

Более очевидным примером установления значения окказиональных слов является слово *нахсасыс*: *Мохсоһол буолан / Нахсасыс* гына олоро түһээт / Бэйэтэ бэйэтинэн буолан ... (Дьяконов, 2015: 77) ‘Обернувшись соколом, / Уверенно приземлился’. В этих строках запечатлен момент превращения главного героя в сокола, что говорит об его сверхъестественных способностях. Близкий по звучанию образный глагол *ныхачай*, означающий «оседать вниз, подгибая ноги; казаться придавленным к земле» (Харитонов, 1954: 294), передает представление о чрезмерно грузном человеке или существе, которое не выдерживает своего веса. В случае с *нахсасыс*, нам представляется, смысловозначительным фактором здесь является замена звука *ч* на *с* в основе глагола. С. В. Воронин палато-альвеолярный *ч* относит к звукам, обозначающим напряжение, которое возникает по аналогии с симпатическим подражанием напряжению различных групп мышц тела человека (Воронин, 1982: 103). В значении глагола *ныхачай* звук *ч* придает дополнительный оттенок «сильно припасть», как надлом. А звук *с* в оппозиции с *ч* снижает интенсивность напряжения. Поэтому слово *нахсасыс* в данном контексте может изображать четкое приземление крупной птицы.

Фонетические вариации одного образного глагола в составе устойчивого эпитета имени также обнаруживаются в олонхо «Усук Туйгун»: *Көс дойдуттан Күлүгэ дьүөддьэдьийэн / чүөддьэлийэн / дьүөддьэлийэн көстөр Күн Чэрэлимэ* ‘Кюн Чэрэлимэ, с мерцающей тенью, видной издалека’. Устойчивый эпитет относится к имени избранницы главного героя. В тексте повторяется множество раз: в основном используется эпитет *дьүөддьэдьийэн*, и несколько раз отмечается, что в рукописи текста олонхо указано *дьүөддьэлийэн* и один раз *чүөддьэлийэн*. Здесь, как и в предыдущих примерах, по формальному и содержательному сходству можно исходным образным глаголом обозначить *чүөчэдьий*, образованный от основы *чүөчэй* (быть длинным и тонким, потому неустойчивым, шатким (напр., о рюмке) (БТСЯЯ, 2017: 254)) и видового аффикса *-дьый*. Значение образного глагола *чүөчэй* в данном контексте может быть реализовано в представлении о неустойчивом, постоянно двигающемся объекте. А чередование *ч* и *дь* можно

объяснить их общей аффрикатной природой, а также данные звуки состоят в парной оппозиции «глухой-звонкий».

Отдельно следует отметить окказиональные звукоподражательные слова, обнаруженные в рассмотренных текстах олонхо. Звукоподражательные слова, как известно, входят в одну звукоизобразительную систему якутского языка наравне с образными (ГСЯЛЯ, 1982). Главным отличием звукоподражания является то, что данная категория слов напрямую имитирует звуки, без воспроизведения сложных ассоциаций и образов. Из-за того, что их легче воспроизводить, они становятся прекрасным инструментом для создания акустического фона сказывания.

Так, отметим примеры окказиональных звукоподражательных слов: *Үөр бөрөлөр курдук / Өһөх былыттар / ... / Дьөлөккөй дүнгүр тыаһынан / Дөр-дөр нүгсүүрдээтилэр / ... / Сырбан эһэлэр курдук / Сыстан былыттар / ... / Тэстибит дүнгүр тыаһыныны / Дэр-дэр нигсиирдэннилэр* (Яковлев, 2015: 185–186) ‘Словно стая волков, / Темные тучи / Громкими звуками шаманского бубна / Дөр-дөр грохотали, / Словно медведи, / Перистые облака / Звуками продырявленного бубна / Дэр-дэр громыхали’. Звукоподражательные слова *дөр* и *дэр* образованы по наиболее распространенной структуре идеофонических корней CVC (согласный-гласный-согласный), который является универсальным практически во всех языках мира, где активно функционируют звукоподражания (Воронин, 1982: 48). Данные слова в тексте олонхо включены с целью создания более яркой картины с добавлением звуковых эффектов. Основа *д-р* имитирует громкий дребезжащий звук. В фоносемантическом плане начальный *д* «отвечает» за громкость и силу звука, а конечный *р* указывает на длительность и вибрацию (Харитонов, 1954: 157). По сравнению с звукоподражательными корнями *дор* «сильный раскатистый звук выстрела» и *дар* «громкий дребезжащий звук (выстрел, сильное захлопывание дощатой дверью и т. п.)» (ГСЯЛЯ, 1982: 370) в *дөр* и *дэр* представлены более глухие, гулкие звуки, чему способствуют участие передних широких гласных *ө* и *э*, которые «нередко выражают ослабленность звука» (Харитонов, 1954: 156).

Также в текстах олонхо встречаются очень похожие, но слегка видоизмененные звукоподражательные слова, которые легко соотнести с литературным вариантом и понять смысл. Например, *биндиргэн* (Терютина, 2015: 18, 39) вместо *дибдиргэн* «громкий шум, грохот» (ТСЯЯ, 2006: 115). В случае с звукоподражанием подобные замены звуков протекают менее «безболезненно», без утраты общего представления о звуке (*бин*, *диб* передают одинаковое представление о громкости). Кроме этого, нельзя исключать внешние факторы такие, как условия фиксации текста, редакторское видение, произношение сказителя и т. п. Возможно, в данном случае речь идет не об окказиональном слове, а простой ошибке в записи.

Более показательный пример подстраивания звукоподражательного слова под определенный контекст наблюдаем в отрывке: *Кууһуох буотта, / Кураанах сири / Курдатты харбаан, / Хомойбут киһи быһытынан / Ниһир гына / Тирэнэн кэбистэ* (Оконешников, 2012: 86) ‘Хотел схватить, / Но лишь рассек воздух руками, / И расстроившись, / Встал, тяжело ступив со звуком «ниһир»’. Звукоподражательное слово *ниһир* передает глухой звук, который производится при падении чего-то тяжелого, в данном контексте, абаасы тяжело наступает ногой. Исходным словом может выступать *ньир* «звук отдаленного грома, сильного сотрясения» (Харитонов, 1954: 262). Добавление в середине слова слога *-һи-* придает дополнительный оттенок значения «длительный», а также за счет звука *һ* появляется ощущение тяжести. Поэтому при произнесении *ниһир* представляем, как абаасы медленно и тяжело наступает.

Закключение

В результате проведенного исследования окказиональных образных слов, обнаруженных в тексте олонхо чурапчинской сказительской традиции, были выявлены основные механизмы образования окказиональных единиц образной лексики и предложены способы их семантической интерпретации. Установлено, что основным способом образования окказиональных слов является фонетическая вариация уже существующего звуко-типа, при которой изменение

состава звуков приводит к появлению новой лексемы, сохраняющей смысловую связь с исходным словом, но адаптированную под ритмико-аллитерационное оформление текста олонхо. Также одним из продуктивных способов образования окказиональных единиц является эхо-репликация, которая в основном служит для комического эффекта.

Основным результатом исследования является вывод о том, что все окказиональные единицы, несмотря на свою уникальность и единичность употребления, строятся по строго определенным фонетическим моделям, свойственным образной лексике якутского языка. Слушателю/читателю позволяют легко понять значение впервые услышанного окказионального слова три основных параметра: формальное сходство с зафиксированной в лексикографическом источнике единицей образной лексики; контекст употребления в тексте эпического сказания; фоносемантические значения отдельных звуков.

Кроме этого следует учитывать и диалектные особенности произношения сказителя, а также условия фиксации текстов олонхо и редакторской работы, что не исключает возможности появления единичных форм образных единиц, не включенных в словари.

Таким образом, индивидуальное словотворчество олонхосута не является произвольным, а опирается на блестящее владение фоносемантической системой образной лексики якутского языка. Именно способность олонхосута в потоке импровизации создать распознаваемое, образное слово, органично вплетенное в ритмико-аллитерационный строй сказания, выступает одним из ярких показателей его сказительского мастерства.

Литература

- Антонов, 1967 – Антонов Н.К. *Саха билинни тылын лексиката*. Дьокуускай: Кинигэ изд-вота, 1967. 115 с. (на якутском яз.)
- Афанасьев, 1993 – Афанасьев Л.А. Фоносемантика образных слов якутского языка: дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 1992. 138 с. Место хранения: РГБ.
- Афанасьев, 1996 – Афанасьев П.С. *Саха билинни тыла. Лексикология*. Дьокуускай: ЯГУ, 1996. 192 с. (на якутском яз.)
- Бакчиев, 2015 – Бакчиев Т.А. *Кыргызские эпические сказители*. Бишкек: Принт-Экспресс, 2015. 256 с.
- Белых, 2010 – Белых М.И. *Ала Хотоҕой: олонхо*. Дьокуускай: ИГИИПМНС СО РАН, 2010. 234 с. (на якутском яз.)
- Борисов, 2017 – Борисов Ю.П. Ритмико-синтаксический параллелизм в якутском олонхо и тюрко-монгольских эпосах: сравнительный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2017. 195 с.
- БТСЯЯ 2008–2018 – *Большой толковый словарь якутского языка*. В 15 т. / отв. ред. П. А. Слепцов. Новосибирск: Наука, 2008–2018.
- Воронин, 1982 – Воронин С.В. *Основы фоносемантики*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 244 с.
- Герасимова, 2025 – Герасимова Л.Н. Видовые формы образных глаголов в текстах олонхо. *Эпосоведение*. 2025, 4(40), С. 220–230. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-4-220-230>
- ГСЯЛЯ, 1982 – *Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика. Морфология* / Под ред. Л.Н. Харитоновой, Е.И. Коркиной и др. М.: Наука, 1982. 504 с.
- Дьяконов, 2015 – Дьяконов Н.М. *Ала Хотоҕой: олонхо*. Дьокуускай: РИО ДДН им. А.Е. Кулаковского, 2015. 204 с. (на якутском языке)
- Жиркова, 2025 – Жиркова Е.Е. Образная лексика звукомимического происхождения, характеризующая выражение лица персонажей олонхо. *Эпосоведение*. 2025, 3(39), С. 188–197. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-3-188-197>
- Илларионов, 1982 – Илларионов В.В. *Искусство якутских олонхосутов*. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1982. 126 с.
- Илларионов, 2016 – Илларионов В.В. *Түөлбэ олонхохуттара: олонхолоохун уратылара*. Дьокуускай: ХИФУ кинигэ кыһата, 2016. 271 с. (на якутском яз.)
- Кулаковский, 1979 – Кулаковский А.Е. *Научные труды = Научнай үлэлэр*. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1979. 483 с.

- Львова, 2023 – Львова С.Д. Тропы в олонхо: устойчивость и вариативность. *Научный диалог*. 2023, 12(8), С. 311–328. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-8-311328>
- Макаров, 2019 – Макаров С.С. Поэтика якутских олонхо: единицы и уровни лексической стереотипии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 197 с.
- Минлос, 2005 – Минлос Ф.Р. Рифмованные сочетания в русском фольклоре. Редупликация и парные слова. *Русский язык в научном освещении*. 2005, 1(9), С. 96–115.
- Монастырев, 2022 – Монастырев В.Д., Васильева Н.Н., Аммосова И.В. Фонетические средства выражения семантики образности в якутском языке (на материале образных глаголов с общей архисемой 'располнить'). *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2022, 3(40), С. 71–79. <https://doi.org/10.25693/SVG.2022.40.3.007>
- Оконешников, 2012 – Оконешников И.Д. *Тамаллаайы Бэргэн*: олонхо. Дьокуускай: Медиа-холдинг «Якутия», 2012. 320 с. (на якутском яз.)
- Путилов, 1997 – Путилов Б.Н. *Эпическое сказительство: типология и этническая специфика*. М.: Восточная литература, 1997. 295 с.
- ПЭК, 1959 – Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*: в 3 томах. М.: АН СССР, 1958.
- Терютина, 2015 – Терютина П.М. *Уолусхан улаан аттаах Уһук Туйгун бухатыыр*: олонхо. Дьокуускай: ХИФУ Издательская дьиэтэ, 2015. 192 с.
- Тимофеев-Теплоухов, 1958 – Тимофеев-Теплоухов И.Г. *Куруубай Хааннаах Кулун Куллустуур*. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1958. 255 с. (на якутском яз.)
- ТСЯЯ, 2004–2007 – *Толковый словарь якутского языка*. В 15 т. / отв. ред. П. А. Слепцов. Новосибирск: Наука, 2004–2007.
- Федоров, 2012 – Федоров К.Л. *Күн Тэгийэримэ*: олонхо. Дьокуускай: Бичик, 2012. 232 с. (на якутском яз.)
- Харитонов, 1943 – Харитонов Л.Н. *Неизменяемые слова в якутском языке*. Якутск: Гос. изд-во ЯАССР, 1943. 88 с.
- Харитонов, 1954 – Харитонов Л.Н. *Типы глагольной основы в якутском языке*. М.; Л.: Академия наук СССР, 1954. 312 с.
- Яковлев, 2015 – Яковлев С.С. – Эрилик Эристиин. *Айыы Дьөһүөл*: олонхо. Дьокуускай: Алаас, 2015. 424 с. (на якутском яз.)

References

- Antonov NK. *Vocabulary of the modern Sakha language*. Yakutsk: Book Publ. House, 1967. 115 p. (in Yakut)
- Afanashev LA. Phonosemantics of figurative words of the Yakut language: Candidate's dissertation (Philology). Yakutsk: 1992. 138 p. Storage location: RSL. (in Russian)
- Afanashev PS. *Modern Sakha language. Lexicology*. Yakutsk: YSU Press, 1996. 192 p. (in Yakut)
- Bakchiev TA. *Kyrgyz epic storytellers*. Bishkek: Print-Express Publ., 2015. 256 p. (in Russian)
- Belykh MI. *Ala Khotogoy*: olonkho. Yakutsk: IHRPIPN SB RAS, 2010. 234 p. (in Yakut)
- Borisov YuP. Rhythmic-syntactic parallelism in the Yakut olonkho and Turkic-Mongolian epics: a comparative aspect: Candidate's dissertation (Philology). Yakutsk: 2017. 195 p. (in Russian)
- Large explanatory dictionary of the Yakut language*. In 15 vols. Eds. P.A. Sleptsov et al. Novosibirsk: Nauka Publ., 2008–2018.
- Voronin SV. *Fundamentals of phonosemantics*. Leningrad: Leningrad State University Publ. House, 1982. 244 p. (in Russian)
- Gerasimova LN. Specific forms of figurative verbs in olonkho texts. *Eposovedenie*. 2025, 4(40), pp. 220–230 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-4-220-230>
- Grammar of the modern Yakut literary language*. Phonetics. Morphology. Eds. L.N. Kharitonova, E.I. Korkina et al. Moscow: Nauka Publ., 1982. 504 p. (in Russian)
- Dyakonov NM. *Ala Khotogoy*: olokho. Yakutsk: A.E. Kulakovskiy HNC Publ. House, 2015. 204 p. (in Yakut)
- Zhirkova EE. Figurative vocabulary of sound-mimic origin characterizing the facial expressions of olonkho characters. *Eposovedenie*. 2025, 3(39), pp. 188–197 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-3-188-197>

- Illarionov VV. *The art of the Yakut olonkhosuts*. Yakutsk: Yakut Book Publ. House, 1982. 126 p. (in Russian)
- Illarionov VV. *Local olonkhosuts: peculiarities of the narration*. Yakutsk: NEFU Publ. House, 2016. 271 p. (in Yakut)
- Kulakovskiy AE. *Scientific works*. Yakutsk: Yakut Book Publ. House, 1979. 483 p. (in Russian)
- Lvova SD. Tropes in Olonkho: Stability and Variation. *Scientific dialogue*. 2023, 12(8), 311–328 (in Russian). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-8-311328>
- Makarov SS. Poetics of the Yakut olonkho: units and levels of lexical stereotypy: Candidate's dissertation (Philology). Moscow: 2019. 197 p. (in Russian)
- Minlos FR. Rhyming combinations in Russian folklore. Reduplication and paired words. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2005, 1(9), 96–115. (in Russian)
- Monastirev VD., Vasilyeva NN., Ammosova IV. Phonetic Means of Expressing Figurative Semantics in the Yakut Language (Illustrated by Figurative Verbs with the Generic Seme 'to Gain Weight'). *North-Eastern Journal of Humanities*. 2022, 3(40), 71–79 (in Russian). <https://doi.org/10.25693/SVG.2022.40.3.007>
- Okonishnikov ID. *Tamallayy Bergen*: olonkho. Yakutsk: Media Holding "Yakutia" Publ., 2012. 320 p. (in Yakut)
- Putilov BN. *Epic storytelling: typology and ethnic specificity*. Moscow: Eastern literature Publ., 1997. 295 p. (in Russian)
- Pekarsky EK. *Dictionary of the Yakut language*: in 3 volumes. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1958.
- Teryutina PM. Usuk Tuygun: olonkho. Yakutsk: NEFU Publ. House, 2015. 192 p. (in Yakut)
- Timofeev-Teploukhov IG. *Obstinate Kulun Kullustuur*. Yakutsk: Yakutsk Book Publ. House, 1958. 255 p. (in Yakut)
- Explanatory dictionary of the Yakut language*. In 15 vols. Eds. P.A. Sleptsov et al. Novosibirsk: Nauka Publ., 2004–2007.
- Fedorov KL. *Kun Tegyerime*: olonkho. Yakutsk: Bichik Publ., 2012. 232 p. (in Yakut)
- Kharitonov LN. *Unchangeable words in the Yakut language*. Yakutsk: State Publ. House of the YASSR, 1943. 88 p. (in Russian)
- Kharitonov LN. *Types of verb stems in the Yakut language*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1954. 312 p. (in Russian)
- Yakovlev SS. – Erilik Eristiin. *Ayii Djesuel*: olonkho. Yakutsk: Alaas Publ., 2015. 424 p. (in Yakut)

Об авторах

Жиркова Евгения Егоровна, научный сотрудник, сектор «Лингвофольклористика» Научно-исследовательского института Олонхо, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», ORCID: 0000-0002-1821-5320, SPIN: 2183-1814, e-mail: jenyasyr@mail.ru

About the author

Evgeniya E. Zhirkova, Researcher of the Sector "Linguofolkloristics", Olonkho Research Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0000-0002-1821-5320, SPIN: 2183-1814, e-mail: jenyasyr@mail.ru.

Конфликт интересов / Conflict of interests

Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The author is not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию / Submitted 05.08.2026

Поступила после рецензирования / Revised 03.09.2026

Принята к публикации / Accepted 20.09.2026